

политике советского правительства, затушевание вопросов классовой борьбы, переключение пропаганды на национальные традиции, на демократические ценности. Это отражало сдвиги, происходившие в советском обществе в годы войны.

Авторы сделали заметный шаг вперед в изучении второй мировой войны в результате

растущего международного сотрудничества историков разных стран. Книга написана живым и образным языком, читается с интересом, содержит много нового и побуждает к дальнейшим исследованиям истории войны.

А. С. ОРЛОВ

А. А. АНТУФЬЕВ. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. Уральское отделение РАН. Институт истории и археологии. 1992. 338 с.

Монография кандидата исторических наук А. А. Антуфьева (Институт экономики УрО РАН) существенно расширяет представления о месте и роли Уральского экономического региона накануне и в годы Великой Отечественной войны. Это наиболее крупное исследование по истории промышленности Урала в указанный период. В отличие от предшественников, Антуфьев изучил не только топливно-энергетические отрасли, черную металлургию и машиностроение, но и цветную металлургию, химическую, лесную, деревообрабатывающую, легкую, пищевую отрасли Урала, имевшие общесоюзное значение. При этом большое внимание автор уделил исследованию не только количественных, но и качественных показателей уральской промышленности, характеризовавших динамику производительности труда и себестоимости продукции, рентабельность, ритмичность, технический прогресс и другие экономические показатели, выполнение плановых заданий, комплексность использования природных ресурсов, соотношение экстенсивных и интенсивных факторов, уровень организации и условия труда.

Сложившаяся в 30-е годы структуру уральской индустрии автор расценивает как антигуманную, «в которой удовлетворение потребностей человека стояло на последнем месте» (с. 91). Ресурсы, предназначенные для мирных отраслей, перераспределялись в пользу военно-промышленного комплекса.

Интересно мнение автора о том, что в годы третьей пятилетки командно-административная система переживала кризис. Выход из него осуществлялся за счет усиления административно-правовых мер принуждения, расширения громоздкого и неэффективного управленческого аппарата (с. 93). Впрочем этот тезис требует более тщательного обоснования. Потерпела неудачу попытка введения внутривзводского хозрасчета. В третью пятилетку продолжалась индустриализация Урала, превратившая регион в громадный военно-промышленный комплекс с преобладанием базовых отраслей: машиностроения и металлообработки, черной и цветной металлургии, электроэнергетики и химии. В те годы, пишет Антуфьев, на предпри-

ятиях Урала уживались передовая техника, технология и низкая производительность, обусловленные безразличием работников, их недостаточной материальной заинтересованностью, отчуждением от средств производства.

Вслед за некоторыми историками, автор отказался от изложения материала согласно сложившейся периодизации истории тыла в годы Великой Отечественной войны. Он не выделяет периоды перестройки экономики на военный лад и создания слаженного военного хозяйства. По его мнению, эта так наз. перестройка не затрагивала основ административно-командной системы, не ломала устоявшихся форм и методов руководства, а являлась продолжением довоенного процесса перевода народного хозяйства на военные рельсы, только в более сжатые сроки в связи с экстремальными условиями войны. Он применяет термин «перестройка» только в узком понимании этого слова (с. 9).

Сильной натяжкой автор считает распространенный вывод о том, что в стране было создано слаженное военное хозяйство. Дефицитная, разбалансированная экономика с диспропорциями между отраслями не могла стать слаженной. Монополия государственная собственность на средства производства позволяли ГКО, ЦК ВКП(б), правительству, Госплану силовыми методами мобилизовать все имевшиеся ресурсы в пользу военной индустрии, концентрировать их на важнейших участках промышленного строительства, а также произвольно снижать и повышать закупочные цены, устанавливать любые плановые задания, применять внеэкономические способы управления экономикой (с. 320). Благодаря этому уральцам удалось за четыре года войны увеличить промышленное производство втрое. За годы войны Урал дал 70% всех средних, тяжелых танков и САУ, выпущенных наркоматом танковой промышленности (с. 172). До 40% всего военного производства приходилось на долю Урала в годы войны. Не было таких видов военной продукции, которые бы здесь не изготавливались (с. 223).

Автор утверждает, что во время войны уральская индустрия развивалась главным обра-

зом за счет экстенсивных факторов. Трехкратное увеличение валовой продукции и более чем двукратное повышение выработки на одного рабочего в рублях в немалой степени имели фиктивный характер, т. к. были достигнуты благодаря сравнительно высоким закупочным ценам на военную технику, боеприпасы, снаряжение и другую продукцию, шедшую на оборонные цели (с. 224).

Невысокой была в военные годы и эффективность промышленного производства. Из-за простоев оборудования в результате его поломок, нехватки электроэнергии, топлива, сырья, материалов, запчастей, увеличения численности обслуживающего персонала и т. д. почти во всех отраслях индустрии региона ухудшились технико-экономические показатели. Высокие же темпы роста промышленного потенциала Урала в военных условиях связаны с интенсивным развитием машиностроения (с. 161—190). Интенсификация производства в военно-промышленном комплексе осуществлялась за счет внедрения научно-технических достижений, чему способствовала эвакуация на Урал десятков научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов, вместе с которыми прибыли видные ученые и тысячи научных сотрудников.

Техническому прогрессу в индустрии края содействовал и переход на выпуск вооружений. Централизация и специализация производства, крупносерийное и массовое изготовление продукции позволили заводам применить самые передовые, а иногда и не известные мировой практике технологические методы, механизировать многие трудоемкие операции. Значительные масштабы обрели модернизация станков, агрегатов, механизация и частичная автоматизация трудовых процессов. В машиностроении технический прогресс был ускорен организацией на заводах поточных линий и конвейеров. Уральцы первыми в мире поставили на поток изготовление танков.

В годы войны, как показал автор, удалось добиться крупного экономического эффекта от снижения себестоимости военной продукции и сокращения цен на нее. Это трактовалось как «неоспоримое» преимущество социалистической экономики. Однако при этом забывают об «умелом» пересмотре цен на изделия, необычайной дешевизне рабочей силы и практически бесплатной работе трудармейцев, «спецконтингента». Финансово-экономическим показателям не уделялось должного внимания, и продукцию выпускали любой ценой. Экстенсивные факторы играли определяющую роль в развитии затратной экономики.

Автор проследил структурные сдвиги в уральской индустрии, рассмотрел ее внутрирегиональное размещение, уровень промышленного развития пяти областей и двух автономных республик (Башкирской и Удмуртской АССР, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей).

Антуфьев попытался найти новые, неординарные подходы к оценке процессов, происходивших в кадровом составе уральской промышленности, выявлению роли административно-командной системы, определенной ее эволюции в годы войны. Он исследовал уголовно-правовые меры принуждения, широко применявшиеся в сфере трудовых отношений, особенно при наборе рабочей силы на производстве и укреплении трудовой дисциплины и т. д. Антуфьев приходит к выводу, что в экстремальных условиях войны «верхи» несколько ослабили хомут командных методов руководства, мелочную опеку предприятий, которым предоставлялась большая, чем до войны, возможность самим решать возникавшие проблемы. Умные, инициативные, компетентные, а потому и независимые руководители разных рангов смогли проявить себя в реальном деле. И все же удрушающее влияние системы ощущалось повсеместно.

На взгляд автора, индустриальный подъем советского государства в годы войны — это не результат использования объективных законов и преимуществ социалистического хозяйства, а итог величайшей самоотдачи и самопожертвования тружеников тыла, их терпения и неприхотливости, взлета их самостоятельности, творчества и инициативы, удивительных для условий сталинского культа и жесткого административного надзора. За неразворотливость и неэффективность системы, с ее непомерной даже для условий войны централизацией планирования и распределения, было заплачено жизнью и здоровьем сотен тысяч людей, расходом громадных природных ресурсов.

Автора можно упрекнуть в несколько иллюстративном характере изложения материала в ряде разделов, особенно там, где используются сведения по отдельным предприятиям. Напомним, что книга посвящена региональной экономике, и частные примеры дают более яркое и точное представление о тех или иных процессах, чем обобщенные, среднестатистические данные.

Статистический разнородный, которым отличается литература по указанной теме, требует от историков критической проверки значительного круга сведений, выявления и отбора наиболее достоверных и доступных для проверки показателей, отражающих основные явления и процессы в промышленности (в том числе, и уральской) в исследуемый период. Однако в книге отсутствует развернутый анализ источникового материала, не всегда разъясняются методы обработки источников, что ограничивает возможность их проверки.

Нельзя не согласиться с выводом автора, что хотя СССР и превратился в величайшую военную державу, но по степени социально-правового развития, уровню жизни народа, образования, научно-технического прогресса страна оставалась на за-

дворках мировой цивилизации. Применение апробированных в военные годы затратных экономических механизмов, жесткая централизация управления производством, извращенная промышленная структура вели к уничтожению и про-

еданию природных ресурсов, угрожали экологической катастрофой и сырьевым истощением, были чреватые запущенностью социальной сферы.

Г. Е. КОРНИЛОВ

Россия и Запад: диалог культур. М. Факультет иностранных языков МГУ. Центр по изучению взаимодействия культур. 1994. 233 с.

В наше время, когда Россия вновь пришла в активное соприкосновение с Западом, очень важно понять, как именно происходит это общение, насколько совместимы их культуры, чем они могут обогатить друг друга, а в чем — оказать разрушительное воздействие. Иная культура — это и зеркало, глядя в которое, можно найти в себе что-то новое. Правда, часто это зеркало не лишено искривлений. Взаимовлиянию культур России и Запада, их взгляду друг на друга, роли мифов во взаимоотношении этих двух миров, посвящен рецензируемый сборник.

Проблема взаимоотношений с Западом последние два столетия имела в России политический характер, идеологизировалась и мифологизировалась. Анализируя механизм мифотворчества, В. С. Елистратов обращает внимание на то, что в этом процессе активную роль играют обе стороны. Неадекватное толкование увиденного возвращается в страну уже в виде свидетельства о ней и часто принимается западной интеллигенцией, складывается в «литературно-политические мифологические симбиозы».

Некоторые из этих мифов прочно обосновались в сознании интеллигенции, превратились в своего рода аксиомы. С рядом из них и спорит Елистратов. Мифу о изначальной азиатско-европейской антирезисте он противопоставляет гипотезу о синтетическом характере русского социально-культурного типа, включающего в себя и интегрирующего элементы греческой, финно-угорской, тюркской и других культур (с. 13). Бесмысленно сегодня выяснять, какое влияние было определяющим. «Современные страсти на эту тему являются показателем обратной картины в прошлом (с. 13).

Но если ранее мифотворчество было частью длительного эволюционного культурного процесса, то «современный политический миф создается буквально на глазах. Процесс мифотворчества занимает уже не тысячелетия, не века, не годы, а буквально несколько часов. Миф о так называемых «путчах» создается просто путем прямой трансляции» (с. 16). Таким образом мифы становятся не плодом недоразумений, а орудием интересов, но только продуктом культуры, но и инструментом ее преобразования, в том числе и во взаимодействии России и Запада.

Исследование мифотворчества продолжает М. В. Ильин. В центре его внимания — миф «выбора судьбы», «судьбоносного выбора». Автор пытается выделить определенные национальные традиции, модели формирования этого мифа. Однако, выдвигая интересные гипотезы, Ильин развивает их скорее в публицистическом, нежели в научном ключе. Попытка вывести черты «семитской традиции», к которой Ильин относит и христианство, путем цитирования Корана, вряд ли может быть признана удачной (с. 194—195).

Столь же голословно выглядят утверждения о том, что накануне Октября (видимо, имеется в виду 1917 г.) в массовом сознании стала доминировать «идея пути-бездорожья, когда и цель, и средства утрачивают реальный смысл» (с. 198). К сожалению, автор не приводит доказательств этой смелой гипотезы, которая, к тому же, расходится с известным фактом успеха большевистской теории немедленного перерастания буржуазной революции в социалистическую, то есть «прямой дороги» к «всеобщему счастью».

Более конкретен анализ современного мифотворчества и, в частности, предвыборной агитации 1993 года. Ильин предлагает свое объяснение перетока части избирателей из стана «демократов» в лагерь Либерально-демократической партии, просчетов «Выбора России» и др.

Изучение стереотипов взаимовосприятия России и Запада важно еще и потому, что, по справедливому замечанию Елистратова, «на Западе продолжают изучать Россию по мифам о ней» (с. 18). Исследованию западного взгляда на нашу страну посвящены статьи А. В. Павловской. Поразительна многовековая устойчивость мифов, причудливое переплетение точных наблюдений и абсурдного толкования увиденного гостями России. По мнению Павловской, несмотря на свою тенденциозность, западные источники «порой бывают более объективны и свободны от политических влияний, чем русские дневники и воспоминания того же периода» (с. 59).

К сожалению, автор и сам принимает некоторые мифы в качестве постулатов вроде такого: «Отличительной чертой русского национального характера является склонность к самоанализу, к копанию в своей душе, а порой и к самобичеванию» (с. 19). Спора нет, эта черта характерна